

ЭТНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на материале автобиографии Марка Шагала)

Минец Диана Владимировна
К.филол.н., доцент,
Череповецкий государственный
университет

ETHNIC REALITY IN THE STRUCTURE OF PERSONAL IDENTITY (based on the autobiography of Marc Chagall)

D. Minets

Annotation

As part of this article examines the autobiography "My Life" by Marc Chagall. The cognitive component of ethnic identity is a description of the traditions and rituals of Jewish culture and the world of Yiddish folklore. Ethnic identity includes individual and collective identity of all sizes and contents (from family and ethnicity to the general culture). "Family," "House," "Roots" act as a traditional cultural concept—representors of ethnic identity. The affective component of ethnic identity is implemented by means of assessing the quality of their own group, the importance of this membership.

Keywords: ego discourse, autodocument, personal identity, autotype, ethnic identity, Yiddishkeit, multiculturalism.

Аннотация

В рамках настоящей статьи рассматривается автобиография "Моя жизнь" Марка Шагала. Когнитивный компонент этнической идентичности представлен описанием традиций и ритуалов еврейской культуры и мира идишского фольклора. Этническая идентичность включает индивидуальную и коллективную идентичность разного масштаба и содержания (от семейной и этнической до общекультурной). "Семья", "Дом", "Корни" выступают в качестве традиционных культурных концептов—репрезентаторов этнической идентичности. Аффективный компонент этнической идентичности реализуется посредством оценки качеств собственной группы, значимости этого членства.

Ключевые слова:

Эго-дискурс, автодокумент, персональная идентичность, автообраз, этническая идентичность, идишкэйт, поликультурность.

"Моя жизнь" (1922) М. Шагала (1887–1985) представляет собой автобиографический роман, документально-поэтическое повествование, написанное русско-белорусско-французским художником еврейского происхождения в 35-летнем (что для подведения итогов жизни в автобиографии крайне мало) возрасте. Этот фактор поликультурности (европейская, русская и еврейская культура) существенно повлиял на творческое и личностное самоопределение: этническая идентичность приобретает особую значимость в переломные периоды истории – на фоне отказа от стереотипных способов осознания себя в меняющемся мире – и поддерживается факторами, существующими для каждого отдельного индивида объективно (территория, язык, религия, государство, традиции, овеществленные в материальной культуре и базовых моделях повседневного поведения, эстетические и этические каноны и т.д.) [1].

Б. Харшав также отмечает "необычность" написания мемуаров столь молодым человеком и полагает, что М. Шагалом двигала "необходимость пояснить загадочные, нереалистические и на первый взгляд бессвязные образы и сюжеты своих картин, в основе которых лежала од-

на жизнь и одно "безумное" сознание"... в результате чего он мифологизировал события собственной жизни" [2]. Кроме того, столь ранний этап жизни для написания автобиографии может быть обусловлен художественными задачами 1922–1931 гг. – "осмысление русского (широко) и Витебского (узко) периода" [3]: "Моя жизнь" как попытка позитивной интерпретации сложных и драматичных событий витебского периода в жизни М. Шагала.

Акцентирование собственной "особости, другости" наблюдается с первых страниц автобиографического нарратива М. Шагала:

"Корыто – первое, что увидели мои глаза. Обыкновенное корыто: глубокое, с закругленными краями. Какие продаются на базаре. Я весь в нем умещался. Не помню кто, – скорее всего, мама рассказывала, что как раз когда я родился – в маленьком домике у дороги, позади тюрьмы на окраине Витебска вспыхнул пожар. Огонь охватил весь город, включая бедный еврейский квартал. Мать и младенца у нее в ногах, вместе с кроватью, перенесли в безопасное место, на другой конец города. Но главное, родился я мертвым. Не хотел жить. Этаким, вообразите, бледный комочек, не желающий жить. Как будто насмотрелся

картин Шагала. *Его кололи булавками, окунали в ведро с водой. И наконец он слабо мяукнул. В общем, я мертворожденный* [4]*.

* Текст цитируется по изданию: Шагал М. Моя жизнь / Марк Шагал; пер.с фр. Н. Мавлевич. - СПб., 2014. Далее - с указанием только страницы.

Фрагмент фиксирует нехарактерное для автобиографии восприятие новорожденного от первого лица ("Корыто – первое, что увидели мои глаза"), которое затем сменяется нарративом от третьего лица, повествующим о себе самом же ("Этакий, вообразите, бледный комочек, не желающий жить. Как будто посмотрелся картин Шагала"). В пределах одного текстового фрагмента наблюдается совмещение разновозрастной (Я–младенец и Я–художник) и телесной идентичности (Я–мертвый и Я–живой). Построение идентичности через "мертворождение" позволяет Шагалу строить свой миф как продолжение еврейской мифологии.

Этническая идентичность, будучи неотъемлемой частью общей социальной идентичности, относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. В ее структуре выделяется два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства).

На страницах своей автобиографии Шагал представляет свою историю не только как историю своего рода, но и историю своего народа:

"Мне кажется, что в папином бокале вино еще краснее. В нем отблеск темной королевской лилии, мрак "гетто" – удел еврейского народа, и жар Аравийской пустыни, которую прошел он ценою стольких мук. Весомым конусом падает свет от висячей лампы. Я вижу шатры среди песков, обнаженных евреев под палящим солнцем, они со страстью спорят, говорят о нас, о нашей участи, - и среди них - сам Моисей и Бог" (с. 48).

Лексема "еврей" и ее производные встречается на страницах автобиографии 47 раз. Когнитивный компонент этнической идентичности представлен описанием традиций и ритуалов еврейской культуры и мира идишского фольклора:

"Вы видали нашу Двину в дни осенних праздников? Мостки уже разобраны. Больше не купаются. Холодно. По берегам евреи стряхивают в воду свои грехи" (с.45);

"Торжественно, неспешно евреи разворачивают священные покрывала, впитавшие слезы целого дня покаянных молитв. Их одеяния колышутся, как веера" (с.47).

Этнически маркированные лексемы "агада" (ивр. – притча, повествование, сказка. Так же назывались иллюстрированные печатные сборники пасхальных молитв и

предписаний), "габима" (ивр. – сцена), "хедер" (ивр. – еврейская религиозная начальная школа). "Йом-Кипур" (ивр. ? "День искупления", "Судный день") – в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов. Отмечается в десятый день месяца тишрей, завершая Десять дней покаяния. и пр. составляют этнокультурное пространство автобиографии, а эпизод с открытыми настежь дверями для пророка Илии (Библейский рассказ о вознесении пророка на небо в огненной колеснице породил представления, что он не умер и должен вернуться на землю. Илию ожидали как предтечу мессии и как избавителя от гонений. В Пасху для него на столе ставился прибор и оставлялась открытой дверь) станет ключевой этнической мифологемой текста:

"Дверь настежь. Чтобы мог войти пророк Илия?" (с. 48), *"Блюда красовались на столе в ожидании пророка Илии"* (с. 113), *"Каждый год в великий день Йом-Кипур он казался мне пророком Илией"* (с.46).

Причем принцип "включения в род" Шагал переносит даже на восприятие истории западноевропейского искусства:

"Вы когда-нибудь видели на картинах флорентийских мастеров фигуры с длинной, отроду не стриженной бородой, темно-карими, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жженой охры, в морщинах и складках? Это мой отец" (с. 9).

Таким образом, этническая идентичность включает индивидуальную и коллективную идентичность разного масштаба и содержания (от семейной и этнической до общекультурной).

В отдельных случаях Шагал творит свою "генеалогию" искусства, именуя великих художников прошлого своими "художественными родителями":

"Лучше буду думать о близких: о Рембрандте, о маме, о Сезанне, о дедушке, о жене. Уеду куда угодно: в Голландию, на юг Италии, в Прованс - и скажу, разрывая на себе одежды:

- Родные мои, вы же видели, я к вам вернулся. Но мне здесь плохо. Единственное мое желание: работать, писать картины. Ни царской, ни советской России я не нужен. Меня не понимают, я здесь чужой. Зато Рембрандт уж точно меня любит" (с. 199).

Включение персоналии Рембрандта в состав своей семьи и обратное сопоставление – это тоже своеобразный инструмент выражения собственной профессиональной и этнической идентичности (традиции собственной культуры сквозь призму новых "родителей"):

"По субботам дядя Нех надевал плохонький талес и читал вслух Писание. Он играл на скрипке. Играл, как сапожник. Дед любил задумчиво слушать его. Один Рембрандт мог бы постичь, о чем думал этот старец - мясник, торговец, кантор, - слушая, как сын играет на скрипке перед окном, залапанным дождевыми брызгами и следами жирных пальцев" (с. 25–26).

Положение по отношению к истории, в том числе – и истории искусства, собственная вписанность в эту историю одновременно задает сущность Шагала как представителя своего народа, и как художника[5]. Этот принцип самоидентификации сходен со схемой самоопределения в любом национальном эпосе: положение человека и его отношение к прошлому многое говорит и о нем самом. Именно поэтому "Семья", "Дом", "Корни" выступают в качестве традиционных культурных концептов–репрезентаторов этнической идентичности [6]. "Дом" становится понятием, через которое раскрывается связность, целостность мира в бытийном восприятии. В "Семье" акцентируется внимание на проблемах поиска самоидентичности, собственного "Я":

"Пойду в певцы, буду кантором. Поступлю в консерваторию"... Еще в нашем дворе жил скрипач. ... И я думал: "Пойду в скрипачи, поступлю в консерваторию". Когда мы с сестрой бывали в Лиозно, все родственники и соседи звали нас к себе танцевать. И я думал: "Пойду в танцоры, поступлю..." Днем и ночью я сочинял стихи. И я думал: "Пойду в поэты, поступлю...". Словом, не знал, куда податься" [с.44].

Аффективный компонент этнической идентичности реализуется посредством оценки качеств собственной группы, значимости этого членства [1, 207]. Еврейское происхождение накладывало существенные ограничения на выбор места обучения и род профессиональной деятельности юного Шагала. Этническая идентичность изначально маркируется топосом. Витебск, где родился и вырос Шагал, находился в черте оседлости – так назывались губернии на западной границе Российской империи с преимущественно еврейским населением. Здесь жили евреи в небольших поселениях городского типа – штетлах (или местечках). Штетлы существовали за счет торговли, ремесел и городских промыслов. Местечко давало определенную степень корпоративной защиты, поддерживало "чистоту" семьи, сохраняло культуру и разговорный язык. Родной город Шагала Витебск входил в число крупнейших еврейских поселений Российской империи [7].

Текст автобиографии включает немало фрагментов, где Шагал пишет о том, что чувствовал себя чужаком и в имперской России, и в Советском Союзе, где его еврейская составляющая не была принята и понята:

"Мы ведь все равны: чиновники, военные, полицейские, гимназисты? Но евреев в эту гимназию не принимали" (с.58); "Однако чтобы жить в Петербурге, нужно было иметь не только деньги, но еще и особый вид на жительство. Я еврей. А царь установил черту оседлости, которую евреи не имели права преступить" (с. 79); "Наконец мена взял в лакеи адвокат Гольдберг. Адвокатам было разрешено нанимать слуг-евреев" (с.95); "Тогда я понял, что в России не имеют права на жизнь не только евреи, но и великое множество русских, что теснятся, как клопы, по углам. Боже мой, Боже! Пришлось опять перебираться" (с.97).

Подобная "выключенность" субъекта из социального и культурного контекста детерминирована не только этническим компонентом, но и профессиональным:

"В Петербурге я жил без всяких прав, без крыши над головой и без гроша в кармане. И часто с завистью поглядывал на керосиновую лампу, зажженную на его столе. ""Вот, - думал я, - горит себе и горит. Съедает сколько хочет керосина, а я?" Еле еле сижу на стуле, на самом кончике. Стул, и тот не мой. Стул есть, комнаты нет. Да и посидеть спокойно не могу. Мучает голод. Завидую приятелю, получившему посылку с колбасой. Не один год мне снился по ночам хлеб с колбасой" [с. 111].

Смена национального топоса (Россия => Франция) отражается и на авторской оценке культурного компонента:

"Россия представлялась мне теперь корзиной, болтающейся под воздушным шаром. Баллон-груша остывал, сдувался и медленно опускался с каждым годом все ниже. Примерно то же думал я о русском искусстве вообще. Нет, в самом деле, всякий раз, как мне приходится размышлять или говорить о нем, я испытываю сложное, невыразимое чувство, замешанное на горечи и досаде. Как будто русское искусство обречено тащиться на буксире у Запада. Но, при том, что русские художники всегда учились у западных мэтров, они, в силу своей природы, были дурными учениками. Лучший русский реалист не имеет ничего общего с реализмом Курбе. А наиболее близкий образцам русский импрессионизм выглядит чем-то несурзным рядом с Моне и Писсарро" [с.115–116].

Отмежевание от русской культурной идентичности стало основой для мифа о незначительности русского контекста для творчества Шагала, созданного им самим же в "Моей жизни".

Исторический контекст (революционные события и смена политического режима) отражаются на авторефлексивном образе периода работы уполномоченным по делам искусств:

"В косоворотке, с кожаным портфелем под мышкой, я выглядел типичным советским служащим. Только длинные волосы да пунцовые щеки (точно сошел с собственной картины) выдавали во мне художника. Глаза азартно блестели - я поглощен организаторской деятельностью. Вокруг - туча учеников, юносов, из которых я намерен сделать гениев за двадцать четыре часа. Всеми правдами и неправдами ищущ средства, выбиваю деньги, краски, кисти и прочее. Лезу из кожи вон, чтобы освободить учеников от военного набора. Весь день в бегах. На подхвате - жена" [с.162].

Автором конструируется образ административного управленца, противоречащий клишированным портретам советских начальников. М. Шагал позиционирует себя "типичным советским служащим" и в то же время – "художником" [8].

Итак, в текстовой авторской идентичности М. Шагала проявляется амбивалентность, которая обусловлена единством дифференцирующих и интегрирующих признаков. Выявленные в тексте признаки этнической идентичности определяют включенность писателя в идиш-кайт-пространство и вместе с тем служат выражением "инакости" автора (Рис. 1).

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых: МК-9349.2016.6 – "Языковые средства репрезентации идентичности в автодокументальных текстах: лингвокогнитивное моделирование".

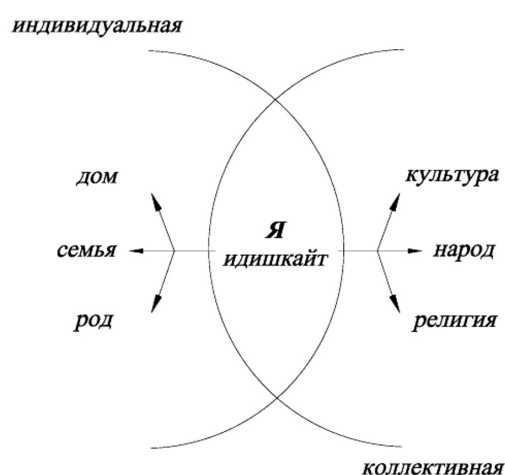

Рисунок 1. Модель идентичности М. Шагала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 1(76). С. 207–211.
2. Марк Шагал об искусстве и культуре / Под ред. Б. Харшава / Пер. с англ. Н. Усовой. Москва: Текст: Книжники. 2009. 317с.
3. Мартинович В.В. Стратегии создания витебского мифа в первом русском переводе автобиографии М. Шагала "Моя жизнь" // Русская и белорусская литература на рубеже XX–XXI веков: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2014. С. 106–113.
4. Моя жизнь [Текст] / М. Шагал ; пер. с фр. Н. Мавлевич. СПб. : Азбука, Азбука–Аттикус. 2013. 224 с.
5. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). Москва: Издательство Водолей. 2007. 264 с.
6. Дивисенко К.С. (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и презентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 36–52.
7. Минец Д.В. Концепты идентичности в автодокументальном дискурсе: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2012. № 5 (3). С. 68–73.
8. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности // Авторитетность и коммуникация. Серия: Аспекты языка и коммуникации. 2008. Вып. 4. С. 184–194.

© Д.В. Минец, (minets.diana@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

